

ВЕРНОСТЬ ПРИЗВАНИЮ

— Х У Д О Ж Н И К И В Р Е М Я —

ЧЕМ СТАРШЕ становится человек, тем чаще начинает он бродить по дальним тропинкам своей памяти, стараясь сызнова увидеть то, что минуло, вспомнить доброе и горькое в собственной судьбе. Для чего? Наверное, для того, чтобы понять, что в жизни было главное, что оставило добрый след в людских душах, помогло им, а что было преходящим, наносным. И, конечно, с особой тревогой думается: а сколько еще удастся сделать? И какая цена будет этому?

Жизнь моя сложилась так, что я стал актером. И насколько об этом не жалуюсь. За долгий свой век понял, какая это замечательная работа. Понял, что искусство актера сильно только тогда, когда крепко связано с жизнью родной страны, общества, когда оно верно служит людям, помогает им понять самих себя, лучше разобраться в окружающем мире.

В наше время много говорят о «некоммуникабельности», о том, что мы из-за загруженности работой, делами, из-за спешки теряем какие-то человеческие качества, вкус к общению, замыкаемся в кругу своих личных переживаний. Тут есть над чем подумать. Искусство актера по природе своей противостоит этой тенденции. Ему дано объединять людей, побуждая их к размышлениям над судьбами героев, к активной духовной работе.

Много часов провел я в театральных залах как зритель. Вереницы характеров и образов прошли передо мною... Я плакал и смеялся, негодовал и радовался. Поражался пышности и блеску иных представлений, восхищался тонкостью и мастерством актерской игры, оригинальной трактовкой пьесы и искусством режиссера.

Но бывало, что на меня со сцены напала серая тень скуки. Задыхаясь, я зевал до боли в челюстях, вертелся на скрипящем стуле, обижался за театральное искусство и бежал с середины спектакля, топаясь выйти на свежий воздух. Больно становилось за артистов, играющих в таких постановках. И вспоминался случай, который произошел однажды на спектакле Художественного театра.

...Шла пьеса «В людях» по Горькому — далеко не самая удачная работа театра. Зрители сидели в большинстве своем скучные и недовольные. И вдруг из-за фанерной двери на сцену выполз бледный, рыхлая человек в белом балахоне и взгромоздился на ларь с мукою. Он зло и цинично рассуждал о жизни и людях. Его опустошенность и отсут-

ствие всякой морали ужасали. И в то же время я ловил себя на мысли, что вижу яркий характер, что верю в реальность этого человека. Он волновал меня до крайности и всей своей неприкаянностью вселял желание быть, во что бы то ни стало быть настоящим Человеком. Эти пять минут подлинного театра, высокого искусства подарил нам великий актер Михаил Гарханов.

Сегодня я мечтаю о том, чтобы наш театр всегда стоял на высоте своего призвания, был театром большой общественной мысли, глубоко проник в жизнь человеческого духа, заражал людей верой в благородные идеалы.

И в решении этой задачи одна из важных ролей принадлежит актеру-художнику, твердо знающему, что именно собирается он отстаивать на сцене, актеру, виртуозно владеющему техникой своего искусства и никогда не успокаивающемуся на том, что уже сделано. Вот этому последнему качеству, думается, нашей творческой молодежи можно и нужно учиться у корифеев. Парадокс: но именно большие мастера всю жизнь считают себя учениками. Учениками тех, чье творчество определяло когда-то развитие искусства, учениками самой жизни, природы, где есть всегда образцы красоты, гармонии, выразительности.

Будни актера, его судьба — из чего они складываются? Многие, наверное, думают — из репетиций, съемок и спектаклей. Но нет — все это лишь результат того, что уже переживало сердце, осмыслено умом, пережила твоя душа. Работая над ролью, артист обязательно наполняет ее своим человеческим содержанием, духовным опытом, своим отношением к тому, что любит и ненавидит в жизни, — а это приобретает не только в стенах театральных вузов или репетиционных помещений.

Уж сколько лет пролетело с той поры, а и теперь я помню дороги моего детства. Вспоминаю их и думаю: это была первая, может быть, самая главная моя актерская школа. В то время наглядился я на просторы своей Родины от севера до юга, налюбывался прелестью ее лесов, полей, рек. Навиделся разных людей, наслушался их говора

и песен. Ездил я тогда на нижней палубе парохода, в зеленых вагонах третьего класса, где всегда теснился простой люд.

Всякая поездка была для меня своеобразной панорамой со множеством лиц, происшествий и историй, трогательных, смешных, а подчас и жестоких. Конечно, многое память утеряла, но то, что в ней осело, стало потом большим подспорьем, источником ценных знаний о жизни и людях. Семьдесят фильмов в моем послужном списке киноактера. Несчитанное количество ролей в театре, на радио и телевидении. Откуда бы мне взять красок на столько лиц, столько характеров, если бы не та копилка с воспоминаниями о виденном и слышанном, копилка, с которой не расстаюсь всю мою жизнь. Помогла она и тогда, когда я играл главную во всей моей творческой жизни роль — Максима Ивановича Лисницына, героя широко известной кинотрилогии («Юность Максима», «Возвращение Максима» и «Выборгская сторона»).

...Бывает, живет человек на свете, уже вполне определились как будто область, масштабы его деятельности, мера дарования, и вдруг... Происходит в его судьбе необыкновенная перемена. И жизнь приобретает новую значимость, новое содержание.

Со мною это приключилось уже в середине жизни и не какими-то особыми моими стараниями, а из-за того, что один из моих героев был воспринят зрителями как реальное лицо, как их живой современник. Он стал для них своим, близким человеком.

И я уже должен был жить как бы не только за себя, но и за него, Максима. Вольно или неволью моя ошибки и проступки могли сказаться на репутации героя, а достоинство его характера без всяких оснований приписывались подчас лично мне.

Почему Максим, простой питерский рабочий парень, полюбился зрителям? Да потому, что был он плоть от плоти их — героических строителей нового мира, людей веселых, смелых, бесстрашных в борьбе за свои идеалы. Когда снимался фильм, мы, актеры, поехали на Путиловский, Обуховский заводы, на «Красный

выборжен»... Там увидели тех, кто стоял у жарких плавающих печей, вправлял огромными станами. Мы нашли в этих людях твердость и ясность убеждений, встретили крепкое товарищество, объединявшее большие коллективы. Мы открыли в них истинное благородство души. Вот они — главные создатели, вдохновители нашего Максима.

Поэтому, хотя прошло уже много лет с той поры, зрители до сих пор видят в Максиме олицетворение большевистской честности, самоотверженности, преданности рабочему делу. Проходят годы, а он не стареет.

Мы, актеры, должны быть горды и счастливы, встречая такое непосредственное, доверчивое и благородное отношение к искусству, как у наших, советских зрителей. Многие образы, созданные художниками театра и кино, прочно входят в их сознание, становятся частью жизни. Прекрасно, например, зная, что Максим в кино играет артист Чирков, они пишут, обращаясь ко мне: «Дорогой Максим...» О Кибардиной говорили: «Наташа!»; Орлова была Стрелкой, Алейников — Ваней Курским.

Отсюда и особая ответственность нашего актерского ремесла. Мы знакомим зрителей с новыми для них людьми — и эти люди могут стать их духовными спутниками на всю жизнь, а могут и оставить равнодушными, а то и вовсе оттолкнуть своей никчемностью.

И снова вспоминается юность... В далекие двадцатые годы в составе культурно-просветительного передвижного отряда (а входили в него лектор, врач, агроном и мы, артисты любительского кружка) я ездил в самые глухие волости нашего Вятского уезда. Ездил по деревням, где большинство жителей мылись в банях по-черному, где не было печей с трубами, а огонь разжигали в очаге и дым выходил прямо через крышу. По вечерам в домах сидел при лучине. Она давала неровный свет, трещала, чадила, а угольки от нее падали в глиняную плошку с водой. Как живые, встали передо мной крестьяне с лучиной, когда осматривал я Братскую ГЭС, ходил по крупнейшему ма-

шинному залу, который, пожалуй, больше походил на городскую площадь. А ведь не так давно здесь, в Сибири, была глухомань, не меньшая, чем в наших, вятских местах. Тут в человеческие-то поселения трудно было отыскать. И вот среди дремучих лесов — море огня, зажженного руками наших современников!

От лучины до самой мощной в мире электростанции — это и есть путь, который мы прошли за полвека, подумал я тогда. И еще я подумал: Советская власть дала нашему народу не только свет электростанций, не только энергию великого созидания, но и великий свет культуры. Мне как председателю Центрального совета по работе театров на селе Всесоюзного театрального общества немало приходится заниматься вопросами развития культуры в деревне. И вижу я, как с каждым годом художественное творчество масс приобретает все больший размах, все активнее развиваются народные театры, кинолюбительство. В преддверии XXV съезда КПСС мы с гордостью можем сказать, что советский народ не только самый читающий в мире, но и самый, если можно так сказать, кинозрительский, театральный. И кино и театр проникли у нас в самые отдаленные уголки, и всюду находят не только своих зрителей, но и своих творцов.

Поколение мое шло по жизни с твердой верой в наш великий революционный идеал, не жалея, отдавало силы и кровь за счастье людей труда. Бывало, мы заблуждались, ошибались, не успевали сделать все, что задумали, но жизнь наша была такой одухотворенной, такой полной, осмысленной, что я не завидую чужой молодости.

У тех, кто сегодня лишь начинает свое жизненное поприще, будут свои дороги. Наверное, тоже славы и тоже трудные. Но путеводной звездочкой будет для них — я уверен в этом — та же вера в свое дело, та же ответственность не только за себя, но и за всю свою страну, которая всегда отличала коммунистов, в том числе и моего Максима.

Борис ЧИРКОВ.

Народный артист СССР,
Герой Социалистического
Труда.